

УДК 82.09.133.1.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-127-135

ДОКУМЕНТ И ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТЕ И КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Литвиненко Н.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Исторический роман первой половины XIX века, сближаясь с историографией, аккумулировал в своей нарративной структуре новую специфику и художественные модели историзма. В разных модификациях, апеллируя к документу и документальности, он выверял пограничные возможности новой эпистемы, был субъектом и объектом историзирующей рефлексии; принадлежал эпохе его создания и эпохе, воскрешаемой в нём. История и документ не только сосуществуют, они взаимопроницаемы, перетекают друг в друга, вырабатывают «общий язык». Фактологическая, историческая достоверность становится референтной иллюзией.

Ключевые слова: документ, документальность, исторический роман, эпистема, историзм, романтизм, референтная иллюзия.

DOCUMENT AND DOCUMENTARY IN THE TEXT AND THE CONTEXT OF THE FRENCH HISTORICAL NOVEL OF THE EARLY 19TH CENTURY

N. Litvinenko

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. Historical novel of the early 19th century, approaching the historiography, had accumulated in its narrative structure, the specificity of a new artistic models of historicism. In different versions, appealing to document and documentary, it verified the border of new epistemes, being the subject and the object of historicizing reflection; belonged to the era of its creation and the epoch it rebuilt. History and document do not only co-exist, they are mutually permeable, flow into each other, develop a «common language». The factual, historical accuracy becomes a referential illusion.

Keywords: document and documentary, historical novel, romanticism episteme, historicism, referential illusion.

В связи с бурным развитием современной исторической романистики, присутствующим постмодернизму недоверием к факту и слову, в связи с произошедшими в XX веке процессами деконструкции традиционно романических моделей жанра, сложившихся в начале XIX века, в литературоведении обострился интерес к феномену исторического романа как такового, переоценке тех его особенностей,

которые сохраняют или не сохраняют свою актуальность в современных художественных и исследовательских подходах [10; 11].

О проблематизации, полифункциональности документа пишут отечественные историки [3; 7]. Французские литературоведы – о разнообразных и многочисленных «приключениях документа», касающихся всех жанров, – автобиографии, литературы о войне, лагерях, поэзии и театра, но всё-таки, прежде всего, романа [13]. Художественная «проблематизация» и «приключения» затрагивают формы традиционного повествования, творчество сюрреалистов, натуралистов, реалистов, порождают использование новых художественных практик, в частности, монтажа, в стремлении заместить эстетику *de la présentation* (презентации, показа) эстетикой *de la représentation* (представления), сохраняя в первооснове конфликт между романическим действием и документом [13].

Мы рассматриваем специфику и роль исторического документа в дискурсе исторического романа XIX века, когда документ воспринимался как источник и свидетельство о времени. Связуя эпохи, романтический роман первых десятилетий послереволюционной эпохи всматривался в прошлое и настоящее, опираясь на вырабатываемые новым временем представления о закономерностях общественного развития, в поисках новой исторической идентичности – национальной, личной, социальной и художественной [9].

Важно учесть семантику и эволюцию понятий «документ» и «документальность» в историографии и литературе на протяжении ряда

эпох, от позитивистских интерпретаций – к подходам, базирующимся на современной эпистемологии [3; 7]. Бесконечная широта и «междисциплинарность» проблемы не снимает, а только усложняет подходы к её литературоведческому изучению. Нарративная специфика жанра исторического романа, построенного на принципах широкого использования различных форм романического, вполне очевидна и универсальна, но на каждом этапе эволюции приобретает новую художественную семантику, требует нового осмысления: соотношения «реального» и вымышленного, мифа и истории, использования документа и псевдодокумента, принципов достоверности и документальности. В том числе, – на этапе формирования жанра исторического романа, в эпоху романтизма. В рамках небольшой статьи будут затронуты отдельные аспекты проблемы.

Мы выделяем понятие документальности и документа как «объективно» существующих свидетельств о времени, событиях и людях – «*pop fiction*», зафиксированного в устной или письменной традиции. Мы сознательно включаем в «синонимический» ряд к понятию «документ» категорию документальности как свойства и принципа художественного изображения, присущего обрисовке явлений, не обязательно задокументированных, учитывая сложившуюся в литературоведении традицию метафорического употребления понятий и семантику самого используемого термина. Речь идёт не только об обращении к документу как таковому, принадлежащему к различным сферам гуманитарного знания, в первую очередь, исторического, но отчасти и о различных спо-

собах использования исторических аллюзий, апелляции к историческому документу и документальности, исторической памяти [6].

Категория объективности, на позитивистской основе сопрягаемая с документом, в данном случае условна, поскольку в XIX веке личный опыт сопричастности человека истории, событиям эпохи воспринимался как имеющий безусловную ценность исторический феномен, сам человек ощущал себя творцом истории – героем и жертвой, подобно Шатобриану, пишущему мемуары о времени и себе, где в бурном потоке смешаны судьбы личные и всеобщие, где документом становится глубоко субъективное, личное свидетельство человека. История в очередной раз соединила историю и деяния ... *historiam rerum gestarum*, как и самые *res gestas* [4, с. 84] обрела целостность. Естественно, все предшествующие эпохи – и близкие, и отдалённые – рассматривались как преддверие революции, идёт ли речь о заговоре XVII века у Виньи, о Варфоломеевской ночи у Мериме (XVI в.) или о Калиостро-Бальзамо у А. Дюма (XVIII в.).

Французский XIX век в сфере идеологии в своих осознанных устремлениях декларирует идею разрыва, исторцистски понимаемого развития, в том числе как катастрофической смены эпох (вслед за Сен-Симоном), тогда как в области художественного творчества в силу самой природы романтического мышления, специфики нарративного романного дискурса прошлое вступает в синтез с настоящим, предстаёт как одно из измерений настоящего, в глубине которого смутно или явственно теснятся нереализованные возможно-

сти. Осмысливая экзистенциальный опыт XX века, обобщение которого было начато ещё А. Бергсоном, Ж. Делез пишет: «Нельзя сказать – прошлое было. Оно больше не существует, уже не существует, но упорствует, оно содержится, оно есть. Оно упорствует своим прошедшим настоящим, оно содержится в актуальном или новом настоящем» [2, с. 103]. То, о чём пишет Ж. Делез, не было отрефлексовано историческим романом XIX века с такой полемической заострённостью, но в редуцированной форме создавалось, «переживалось» – трагически или с надеждой, драматизировалось в разных модификациях жанра – скептиками Виньи и Мериме, оптимистами Санд и Гюго, в процессе поисков трансцендентного, как у Шатобриана, в попытках вырваться за пределы «повторения», как у Э. Сю.

В подходе к проблеме документа и документальности заложен ещё один соучастник процесса идентификации – не только исследователь, критик, литературовед, писатель, но и читатель, который воспринимает художественную действительность как отражение реальной жизни, натурализует исторический дискурс. На формирование поэтики документальности в первые десятилетия XIX века повлияли новые, складывающиеся в романтическую эпоху представления о мимесисе, правде и правдоподобию, где символизация – воображение и «non fiction» – в слиянности осуществляют прорыв к новой художественной эпистеме.

Для осмысления «истории» как понятия, антигетичного вымыслу, важно используемое английским литературоведом Мэйером противопоставление, которое разработал Ц. Тодоров, – меж-

ду двумя разновидностями правды – правды соответствия действительности и правды правдоподобия (truth of unveiling). Первое соизмеряется понятиями всё / ничто, второе – более / менее [14]. По концепции Р. Мэйера, новая установка, новое восприятие читателей-современников, увидевших в «Робинзоне Крузо» воплощение правды действительности, способствовало выработке нового романного дискурса, обладающего новым типом конвенциональности. Р. Мэйер в этом видит разгадку того, что все основополагающие произведения в традиции novel, вышедшие в XVIII веке, – Ричардсона, Филдинга, Стерна, Берни, – «Кларисса» (1747–1748), «Том Джонс» (1749), «Тристрам Шенди» (1759–1767), «Эвелина» (1778) – убеждали читателя в необходимости понять новую форму их связи с «историей» [12, п. 229]. Литературовед обнажает один из важнейших (по яуссовской концепции) принципов формирования жанра – на почве меняющейся психологии восприятия, изменяющегося горизонта читательских ожиданий, трансформируемых в повествовательной стратегии романа и трансформирующих её.

На рубеже XVIII–XIX вв. сознательная мистификация как приём историзации, «документализации» жанра, поддерживающий установку на достоверность, использовался весьма широко. Некоторые произведения выдавались за рукописи, якобы найденные, переданные автору-издателю. Этот приём позволял мотивировать целый ряд особенностей, вводил дополнительный угол зрения, усложнял, порой диалогизировал романский дискурс. Смежной проблематикой окрашен многообразный пласт романтиче-

ских произведений, в лироэпической поэтике которых современники преднамеренно или непреднамеренно отыскивали документально-биографическую или автобиографическую основу (Байрон, Лермонтов).

Для исторического романа XIX века особенно актуальным становится взаимодействие, взаимопроникновение субъективного и объективного, поскольку каждое явление чревато своей противоположностью – в соответствии с романтической концепцией творческого субъекта, при всём различии, стадийном и эстетическом, подходов Ф. Шлегеля и Ж. де Сталь, В. Скотта и В. Гюго, Шатобриана и Жорж Санд. Однако в романном континууме эпохи, воссоздающем игру, столкновение, взаимодействие индивидуальной воли, социальных сил, это «тождество» порой распадается, становясь объектом пристального внимания романиста, претендуя на отражение или преломление правды исторической и личной. Функцию «зазора», обнаруживающегося между художественным, вымышленным и реально-историческим, разрыва естественной логики нарративности, романного и романического потока событий играет обращение к документу, использование тех или иных форм документальности. Это необходимо не столько как приём ретардации, сколько как апробированный принцип актуализации романских смыслов, углубления достоверности, рассчитанный на новую миметическую установку, утверждающую статус *non fiction* изображаемых событий.

Исторические романисты снабжают свои произведения предисловиями, ссылаются на рукописи, мемуары,

исторические документы, цитируют их, приводят свидетельства современников. Это присуще и Вальтеру Скотту, и Мериме, и Шатобриану, и В. Гюго. В то же время – на другом полюсе – идёт процесс мифологизации, формируется одна из продуктивных модификаций жанра – исторический мифологический роман, который запечатлевает концепцию тождества деяния и истории деяний, где эти составляющие предстают в своей мнимой отъединённости, – как фантомы, порождаемые историческими и современными писателю социокультурными мифами, что отнюдь не исключает использования не только документов, но и псевдодокументов или псевдомемуаров (А. Дюма, Э. Сю). В мифологическом романе взаимодействуют модусы разновременных мифов. И тогда документальность может становиться вымышленной, мнимой, не утрачивая в то же время установки на достоверность. В контексте творчества того или иного романиста – Шатобриана, Гюго, А. Дюма, Э. Сю – происходит сочетание, взаимодействие различных принципов документирования, сочетание истории с мифом и художественным вымыслом.

Сама постановка вопроса о документе и документальности в литературе семантически неоднозначна¹: любое

¹ Исследователи фиксируют употребление во Франции слова «документ» с 1214 г., разнообразие его значений на протяжении разных исторических и литературных эпох, и отсутствие – в теории [13]. Автор (Pigez Cl.) называет в качестве исключения «Dictionnaire du littéraire», de Paul Aron, Denis Saint-Jacques et Alain Viala, Paris, PUF, 2002, где поставлен вопрос «de l'ývventuelle valeur documentaire de la littérature». В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» [5, с. 234] речь идёт о документальной литературе.

произведение искусства, автобиографически окрашенное или подчёркнуто «безличное», остаётся документом своего времени. Очевидно, однако, что мемуары, роман-исповедь или лирическая поэма обладают в каждом случае своими особенностями и законами воплощения достоверно-документального материала на разных этапах эволюции жанров, литературных направлений, индивидуальных художественных систем.

Исторический роман XIX века создавался под непосредственным воздействием процессов, обозначивших новые пути развития культуры. События революции 1789–1799 гг., последующие войны и перемены формировали новую историческую, социокультурную реальность, в которой вызревал и реализовывал себя эстетический опыт романтизма, рождалось новое представление о человеке, его месте в истории, литературе и системе знаний. Один из крупнейших современных западных философов М. Фуко характеризует начало XIX века как «порог нашей современности» [8, с. 35], когда произошёл второй крупный разрыв в эпистеме западной культуры. «В суть вещей, – пишет М. Фуко, – проникает глубокая историчность, которая изолирует и определяет их в присущей им связи, придаёт им обусловленные непрерывностью времени формы порядка... По мере того, как вещи замыкаются на самих себе, не требуя в качестве принципа своей умопостижимости ничего, кроме своего становления, и покидая пространство представления, человек в свою очередь впервые вступает в сферу западного знания» [8, с. 36]. Это проявилось в романтическом романе, в слиянии субъ-

екта и объекта познания, в новой природе синтеза исторического документа и художественного начала.

Философ увидел в «этой историчности» «общую диспозицию эпистемы, обусловившую развитие гуманитарного знания, вовлечённого в мощные колебания между сознанием и бессознательным» [8, с. 390]. Тем самым М. Фуко обозначил не только «внешний предел гуманитарных наук» [там же], но и центральную коллизию, связующую историю и судьбу, рационально постижимое и непостижимое как динамическую структуру нарративного художественно-исторического познания.

Исторический роман XIX века, развивавшийся во взаимосвязи с романскими жанрами, аккумулировавший в своей структуре не только новую специфику романического, взаимодействовавший не только с драматургией, лирическими, лиро-эпическими жанрами, но и с историографией, философией, публицистикой, литературной критикой – всеми областями современного ему гуманитарного и естественнонаучного знания, художественно выверял пограничные возможности новой эпистемы, роль сознательного и бессознательного, случайного и закономерного в судьбе индивида и судьбе масс, смыслы общественного развития и бытия, сам стал объектом историзирующей рефлексии [1]. Требование верности местного колорита, исторической правды вплотную соприкасалось с принципом не только по-новому понимаемой «правды» и достоверности, но и документальности – у Вальтера Скотта, Жорж Санд, А. Дюма и др.

Фуко пишет о специфике документа, которая вырабатывается на почве

новой эпистемологической парадигмы в историографии XIX века: «История по-новому взглянула на документ и занялась не столько интерпретацией или установлением его истинности и смысла, сколько освоением и развитием внутреннего пространства... Документ больше не является для истории неподвижной материей, отталкиваясь от которой она пытается реконструировать дела и слова людей прошлого, – всё то, от чего остались лишь немногие следы. Теперь история пытается обнаружить в самой ткани документа указания на общности, совокупности, последовательности и связи... Документ более не довлеет истории, которая с полным правом в самом своём существе понимается как память...» [8, с. 10-11]. Обозначенный здесь процесс трансформации затронул ещё в большей мере литературу. Романисты-историки, «допрашивая документ» (выражение М. Блока), модифицируют его роль, встраивают его в текст художественного романа, где он подчиняется логике авторского замысла, где «следы» документа трансформируются в сложном конгломерате встраиваемых автором смыслов и идей¹. В историческом романе первой половины XIX века, в силу стадийной специфики развития жанра и других ранее указанных факторов, история и документ не только сосуществуют, они взаимопроницаемы, перетекают друг в друга, вырабатывают «общий

¹ См. предисловие к первому изданию романа П. Мериме «Хроника царствования Карла IX», где автор полемизирует с «официальной историей» (Мезре, Монлюк) и отдаёт предпочтение мемуарам Брантома, д'Обинье, Тавану, Ла-Ну, высказывает готовность отдать Фукидиду за подлинные мемуары Аспазии или Периклова раба.

язык». Историко-документальное начало пропущено через многогранную призму романического и романного остранения, оно преломляется во взаимоотноствующих магических зеркалах разных восприятий и эпох, по-разному трансформирующих реальность, подчиняясь общему вектору формирования «референтной иллюзии». Фактологическая, историческая достоверность становится референтной иллюзией, результатом достоверности художественной.

Каждый роман приобретает двойственный статус – становится в широком смысле документом, принадлежащим эпохе его создания, и эпохе, воскрешаемой в нём. В этой сопричастности общему процессу развития гуманитарного знания, возможно, отчасти причина широкого распространения исторического романа в XIX веке, его влияния не только на литературу, но и на историографию; продуцирования им массовой исторической романистики в XX веке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барг М. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.
2. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
3. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: НЛО, 2011. 384 с.
4. Кимелев Ю.А. Философия истории. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.
5. Муравьев В.С. Документальное // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКи Интелвак, 2001. 1595 с.
6. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
7. Степанов Б. Теория документа и культура истории: некоторые размышления по результатам опроса // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / Сборник статей; под ред. И.М. Каспэ. М.: НЛО. 2013.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания. СПб.: А-сacд. 1994. 408 с.
9. Margantin L. L'histoire du point de vue romantique // [Acta fabula, vol. 9, n° 11, Ouvrages collectifs, Décembre 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document4730.php>, page consultée le 03 mai 2016. (дата обращения: 03.05.2016).
10. Macé M. Pour une approche narratologique du roman historique. Information publiée le 26 juin 2004 par (source: Marc Marti). Le 30 novembre 2004. Université de Nice. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fabula.org/.../pour-une-approche-narratologique-du-roman-historique_8722.php (дата обращения: 03.05.2016).
11. См.: Martinet J-L. Le romanesque légitimé par l'histoire // Acta fabula, vol. 10, n° 1, Ouvrages collectifs, Janvier 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document4796.php>, page consultée le 03 mai 2016. (дата обращения: 03.05.2016).
12. Mayer R. History and the early English novel. Matter of Fact from Bacon to Defoe. Cambridge, 1997. 229 p.
13. Pérez Cl. Des documents chez les modernes // Fabula / Les colloques: Ce que le document fait à la littérature (1860-1940). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document1731.php>, page consultée le 03 mai 2016. (дата обращения: 03.05.2016).
14. Todorov T. Fiction and Truth. Critical Reconstruction. The Relationship of Fiction and Live. Stanford, 1994. 312 p.

REFERENCES:

1. Barg M. Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma [Era and ideas. The emergence of historicism]. M., Mysl', 1987. 354 p.
2. Delez ZH. Razlichie i povtorenie [Difference and repetition]. SPb., TOO TK «Petropolis», 1998. 384 p.
3. Zaretskii YU.P. Strategii ponimaniya proshlogo: Teoriya, istoriya, istoriografiya // Novoe Literaturnoe obozrenie [The strategy of understanding the past: Theory, history, historiography // New Literary review]. M., NLO, 2011. 384 p.
4. Kimelev YU.A. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. M., Aspekt Press, 1995. 351 p.
5. Murav'ev V.S. Dokumental'noe // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Documentary // Literary encyclopedia of terms and concepts]. M., NPK Intelvak, 2001. 1595 p.
6. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, oblivion]. M., Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2004. 728 p.
7. Stepanov B. Teoriya dokumenta i kul'tura istorii: nekotorye razmyshleniya po rezul'tatam oprosa // Status dokumenta: Okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo? Sbornik statei [The theory of document and culture of history: some reflections on the survey // Status of document: Final paper or seized evidence? Coll. articles] Novoe literaturnoe obozrenie [Novoe literaturnoe obozrenie] / Ed. by I. M. Caspe. M., NLO, 2013. pp. 179–197.
8. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnogo znaniya [Words and things. Archaeology of the Humanities]. SPb., A-cad, 1994. 408 p.
9. Margantin L. L'histoire du point de vue romantique // [Acta fabula, vol. 9, n° 11, Ouvrages collectifs, Décembre 2008 [E-source]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document4730.php>, page consultée le 03 mai 2016. (request date 03.05.2016).
10. Macé M. Pour une approche narratologique du roman historique. Information publiée le 26 juin 2004 par (source: Marc Marti). Le 30 novembre 2004. Université de Nice. [E-source]. URL: http://www.fabula.org/.../pour-une-approche-narratologique-du-roman-historique_8722.php (request date 03.05.2016).
11. См.: Martinet J-L. Le romanesque légitimé par l'histoire // Acta fabula, vol. 10, n° 1, Ouvrages collectifs, Janvier 2009. [E-source]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document4796.php>, page consultée le 03 mai 2016. (request date 03.05.2016).
12. Mayer R. History and the early English novel. Matter of Fact from Bacon to Defoe. Cambridge, 1997. 229 p.
13. Pérez Cl. Des documents chez les modernes // Fabula / Les colloques: Ce que le document fait à la littérature (1860-1940). [E-source]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document1731.php>, page consultée le 03 mai 2016. (request date 03.05.2016).
14. Todorov T. Fiction and Truth. Critical Reconstruction. The Relationship of Fiction and Live. Stanford, 1994. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ninel Litvinenko – candidate of Philological Sciences, professor of the Department of foreign literatures, Faculty of Philology of the Moscow State Region of Moscow City Teacher Training University;
e-mail: ninellit@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Litvinenko Ninel A. – PhD in Philology, professor of the Department of foreign literatures, Faculty of Philology of the Moscow State Region of Moscow City Teacher Training University;
e-mail: ninellit@list.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Литвиненко Н.А. Документ и документальность в тексте и контексте французского исторического романа первой половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 127-135.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-127-135

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Litvinenko Document and documentary in the text and the context of the French historical novel of the early 19th century // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 127-135.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-127-135